

С. Я. Боровой внес большой вклад в изучение экономики николаевской России, экономических взглядов Пушкина и декабристов; много было сделано им для исследования истории нашего края. О значении его научного наследия, об облике ученого-педагога ведут сегодня диалог кандидат экономических наук, доцент Одесского института народного хозяйства В. В. КОВАЛЕВСКИЙ и доктор филологических наук, профессор Одесского университета М. Г. СОКОЛЯНСКИЙ.

В. Ковалевский. Безусловно, С. Я. Боровой был прежде всего историком. Но было бы, наверное, точнее назвать его ученым-гуманитарием широкого профиля. Ведь занимался он за 65 лет своей научной деятельности проблемами в общественно-политической истории СССР, и экономической истории, и историческим краеведением, и литературоведением, и книговедением...

М. Соколянский. Добавим к этому ряд вспомогательных историко-филологических дисциплин: научная библиография, археография, архивоведение. А на раннем этапе своей работы он опубликовал целый ряд серьезных трудов (и в солидных изданиях!) по этнической истории. Кстати, помните, как называется его первая книга?

В. К. Конечно. «Еврейская земледельческая колонизация в старой России. Политика, идеология, хозяйство, быт».

М. С. И вышла эта книга в знаменитом издательстве Сабашниковых, когда автору не было еще полных 25 лет. Речь идет о труде, полностью основанном на архивных данных. Уже в юные годы Саул Яковлевич придавал огромное значение источниковедческой базе.

В. К. К научному факту он всегда относился благоговейно, был в науке педантом в лучшем смысле слова. А если речь зашла о первой его книге, то уже там проявился интерес исследователя к историко-экономической проблематике. Интерес, который

(М., 1958), вошедшей в широчайший научный обиход.

М. С. Причем, его труды по истории хозяйства или истории экономической мысли нередко отражали и историко-культурные интересы автора.

В. К. В своих работах и в лекциях он часто использовал примеры из русской и мировой литературы. Так, рассказывая об аграрных отношениях в России первой половины XIX века, буквально анатомизировал «Мертвые души». Признаюсь, что хотя я очень люблю Гоголя, но экономический смысл аферы Чичикова по-настоящему дошел до меня только после лекций профессора.

М. С. Он и писал о реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ», дважды выступив в 1966—1968 гг. в журнале «Вопросы литературы» по этому поводу. Считаются историко-экономические и историко-культурные интересы С. Я. Борового и в его солидных публикациях об экономических воззрениях А. С. Пушкина и декабриста М. Ф. Орлова, на которые многожды ссылается и автор книги «Муза и мамона», привлечшей наше с Вами внимание.

В. К. Подобно тому, как в монографии о кредите и банках Саул Яковлевич обстоятельно проанализировал деятельность и взгляды николаевского министра финансов Е. Ф. Канкрин, так в ряде

В. К. В какой-то мере это так.

М. С. Вы упомянули имя Канкрин, а я сразу вспомнил о писателе, который питал живейший интерес к личности министра финансов, — о Н. С. Лескове и о том,

как любил Лескова покойный С. Я. Боровой. Перечитывал письма Лескова, хотел написать о нем статью. Не успел.

В. К. Зато успел написать о многих других.

М. С. Разумеется. Он оставил интересные публикации о Герцене, Чернышевском, Тургеневе, Мицкевиче... Был автором союзных литературоведческих журналов, статей в томах «Литературного наследства», составителем и комментатором в «Литературных памятниках». Но писателем № 1 — в плане научных интересов — оставался для него Пушкин. В новейших пушкиноведческих публикациях можно встретить ссылки на работы Борового, опубликованные в академических сборниках и журналах, во Временнике Пушкинской комиссии АН СССР.

В. К. Вот и А. Аникин ссылается на статью «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX в. В ней «встречаются» литературоведческие и краеведческие интересы ученого. Новороссию, Причерноморье и особенно Одесса с ее историей постоянно были в кругу его научных интересов.

М. С. Да он был настоя-

тельно признан: «Пожалуй, мог бы я жить и работать в Кишиневе, но знаете, чего бы мне здесь больше всего не хватало? Одесских библиотек». Ведь в 20—30-х годах он много лет трудился в Одесской публичной би-

блиотеке, а уже впоследствии преподавал в педагогическом институте и институте народного хозяйства.

М. С. Был, правда, период, когда Саул Яковлевич не имел никакой работы. Начало 1950-х годов...

В. К. Вы имеете в виду период т. н. борьбы с «безродными космополитами»? Верно, тогда на С. Я. Борового был наклеен ярлык «космополита» и его обширные знания оказались никому не нужны.

М. С. Более того, только волей случая он избежал репрессий в 1952 году. И хотя избежал самого страшного, мог сказать о себе словами восточного мыслителя: «И я не спал на лепестках роз». А если вспомнить более ранний этап его научной деятельности — конец 30-х годов... Приходилось ли Вам видеть книгу Саула Яковлевича, существующую в одном лишь экземпляре?

В. К. Нет, не довелось.

М. С. А я видел. Это сочинения еврейских хронистов, живших на Украине и живописавших бурные события середины XVII века. С. Я. Боровой перевел их с древнееврейского на русский, проком-

ментировал, прокомментировал книгу очерков об историко-культурном прошлом Одессы? С. Я. Боровой сдал ее в издательство «Маяк» где-то в середине 70-х. Настоячиво рекомендовал издать эту книгу патриарх советских историков академик Н. М. Дружинин, высоко ценивший труды Борового. Но руководителям издательства мало что говорили эти имена. Вот если бы им дал указание тогдашний начальник губернского департамента идеологии — тогда другое дело.

В. К. Наверное, стоило бы издателям разыскать рукопись книги и подумать об ее издании в преддверии 200-летнего юбилея Одессы.

М. С. Наверное, и библиотеке им. Горького, для которой С. Я. Боровой сделал так много, стоит издать полную библиографию его трудов, насчитывающую более 250 названий.

В. К. Тем более что едва ли за последние 50—60 лет кто-либо иной внес столь значительный вклад в изучение истории, экономики и культуры родного города и края.

М. С. Правда, я представляю, как иронически посмотрел бы сейчас на нас сам Саул Яковлевич, будь он жив. Не любил он высокой патетики, да и над собой частенько подшучивал.

В. К. Только малознакомым людям казался он человеком суровым и необщительным. На самом деле любил и ценил общение с людьми, питал неподдельный интерес к людям содержательным, обладал тонким чувством юмора и даже можно сказать — был жизнелюбом.

М. С. И раз уж зашла речь о С. Я. Боровом как человеке, хотел бы отметить еще одну, органически присущую ему черту. Не любя громких этических деклараций, он очень точно знал, где пролегает граница между по-

Проверка алгеброй гармонии